

Н. А. Красильникова N. A. Krasilnikova
Новоуральск, Россия Novouralsk, Russia

**ОБЩЕСТВО И НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

Аннотация. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода к политической лингвистике активно изучается метафорическая репрезентация участников политической коммуникации — стран, политических институтов, деятелей. За пределами анализа пока остается еще один участник политической коммуникации — общество с его реакцией на происходящие события, отношением к той или иной стране, партии, органу власти, политике. Мнения общественности отражены в неинституциональном политическом дискурсе — в комментариях после статей, чатах, блогах, ток-шоу, опросах и прочих интерактивных формах коммуникации.

Ключевые слова: неинституциональный политический дискурс; бытовой/институциональный и медийный политический дискурсы; Интернет; Россия; Грузия, концептуальная метафора.

Сведения об авторе: Красильникова Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, директор филиала УрГПУ в г. Новоуральске, заведующий кафедрой общепрофессиональных дисциплин.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 624130, г. Новоуральск, ул. Победы, 18, к. 307.
e-mail: n_krasilnikova@mail.ru.

**SOCIETY
AND NON-INSTITUTIONAL DISCOURSE
IN THE INTERNET**

Abstract. Political linguistics attracts attention of many researchers, including exponents of cognitive approach to discourse analysis in linguistics. Within the framework of this approach metaphorical representation of agents of political communication, namely of countries, political institutions, politicians is absorbedly studied. At this, political and media discourses created by politicians, journalists, reporters, speech-writers, etc. is put to analysis. We believe that one more agent of political communication is still beyond the scope of discourse research. That is people, society and its reaction to current events, some country, party, authority, or politician. Non-institutional political discourse is often represented in comments to some articles in mass media, in chats, blogs, talk shows, surveys and other interactive kinds of communication. In this paper we consider main issues of non-institutional political discourse.

Key words: Non-institutional political discourse; common/institutional and media discourses; Internet; Russia; Georgia; conceptual metaphor.

About the author: Krasilnikova Natalia Alekseevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Director of Novouralsk Affiliate of the Ural State Pedagogical University, Head of the Chair of Professional Subjects.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Общество — это самый массовый и влиятельный участник политической коммуникации, в котором преломляются как институциональный, так и медийный дискурсы. Они оказывают влияние на общественное мнение, формируя тем самым неинституциональный дискурс. В неинституциональном дискурсе провоцируется и раскрывается ответная реакция общества на послания политических агентов, и эта реакция устремляется обратно либо через СМИ в виде комментариев к статьям, отзывов в блогах, ссылок на чаты, писем в редакцию, либо непосредственно в виде обращений к политическим деятелям и партиям.

Реакция общества показывает эффективность прагматического воздействия, которое является целью институционального и медийного политического дискурсов. Более того, массовая коммуникация в условиях демократического общества предполагает

обратную связь, при этом чем демократичнее и развитее государство, тем больший резонанс в обществе вызывают те или иные социальные вопросы, что сегодня явно проявляется в процессах интернет-коммуникации. Соответственно, изучая голоса общественного мнения, мы можем проследить воздействие политической коммуникации на общество, установки которого могут коррелировать или расходиться с транслируемыми СМИ идейными установками власти.

Для когнитивно-дискурсивного исследования неинституционального политического дискурса мы предлагаем проанализировать метафорическую экспрессию в процессе формирования и выражения отношения общества к явлениям политической жизни с учетом содержания высказывания в совокупности с экстралингвистическими факторами и персональными особенностями коммуникантов.

Общение в рамках неинституционального политического дискурса представляет собой оценочную интерпретацию общественно-политического явления, события и его участников, обмен мнениями и участие в решении значимых проблем общества и государства, влияние на представления или стереотипы коммуникантов и формирование или уточнение их картины мира. Сложность исследования подобного объекта состоит в том, что мнения по природе своей субъективны. Даже взятое в целом, общественное мнение не бывает абсолютно истинным или абсолютно ложным, оно всегда есть своеобразное смешение точных знаний и иллюзий, переплетение элементов истины и фантастики [Кошарная 2002: 5].

Неинституциональный политический дискурс — уникальное дискурсивное образование: он складывается в рамках бытового личностного общения как реакция на проекцию институционального дискурса на медийный. Соответственно неинституциональный политический дискурс реализует подачу информации на двух уровнях:

- на лично-ориентированном уровне (в бытовом дискурсе), что подразумевает устный или письменный обмен информацией при личном общении, по телефону, посредством компьютеризированных средств быстрого обмена сообщениями, по электронной почте, в ходе дискуссии на форумах, через сообщения на электронной доске объявлений, аудио- и видеопереговоры в режиме онлайн (например, с помощью программ «MailAgent» или «Skype») и т. д.;

- статусно ориентированном уровне, который опосредуется через печатные и электронные, устные и письменные обращения к политическим деятелям и партиям (институциональный дискурс), комментарии к статьям в электронных изданиях, звонки в студию телевизионных передач, письма в редакцию электронных и печатных СМИ, сообщения в блогах, социальных сетях и т. д. (медийный дискурс).

Особенность бытового дискурса заключается в стремлении максимально сжать передаваемую информацию, использовать особый сокращенный код общения, поскольку люди понимают друг друга с полуслова, коммуникативная ситуация самоочевидна, и поэтому актуальной является многообразная оценочно-модальная эмоциональная квалификация происходящего [Карасик 2002: 215].

Именно оценочная модальность, на наш взгляд, и представляет особый интерес для когнитивной лингвистики в неинституциональном политическом дискурсе, в особен-

ности та, которая выражается в виде таких концептуально маркированных явлений (метафора, метонимия, эпитет, аллюзия, каламбур, паронимазия, прецедентные феномены и т. д.). Очевидно, что все перечисленные феномены подходят в качестве объектов для когнитивно-дискурсивного исследования: они используются для представления знаний и демонстрируют черты национального менталитета, доверие или недоверие власти и СМИ, позицию личности в дихотомии «свои — чужие», поддержку или оппозицию в важных социальных вопросах и даже информационных войнах. Как писал известный поэт и публицист Джон Мильтон (1608—1674), концептуальные единицы, идеи, имплантированные в мышление людей посредством печатного слова, «столь же живучи и плодотворны, как баснословные зубы дракона... будучи рассеяны повсюду, они могут воспрянуть в виде вооруженных людей» [Мильтон].

Не следует забывать, что когнитивно-дискурсивное исследование предполагает рассмотрение экстралингвистических факторов дискурса, поэтому необходимо уделять внимание лингвокультурологическим аспектам коммуникации — этике общения, мировоззрению, табуированным темам и т. д. Жители США, например, свято верят в то, что именно их страна одержала победу над фашизмом, что «стучать» — это хорошо и правильно; англичане убеждены, что старое всегда лучше нового; русские уверены, что легально заработать большие деньги нельзя, и т. д. Представители каждой страны по-своему рисуют картину мира в зависимости от воспитания, образования, национального менталитета, стереотипов, традиций и обычаев своей страны, государственной идеологии и политических убеждений. Лингвокультурологический аспект неинституционального политического дискурса представляет собой отдельный предмет исследования.

В современном мире Интернет формирует новую сферу межличностного и информационного взаимодействия, в результате чего возникают новые виды общественных отношений. Коммуникация в Интернете интерактивна, содержит элементы обратной связи и предоставляет беспрецедентные возможности для живого, открытого и всестороннего общения людям, разделенным огромными расстояниями. Благодаря функционированию Интернета формируется массовая, постоянно растущая общность людей, объединенных общими интересами, устремлениями, социокультурными ориентациями. Интернет тем самым выполняет интегративную функцию.

В настоящее время Интернет практически полностью заменил печатные СМИ. В связи с этим возрастает интерес к онлайн-коммуникации, все больше ученых изучают воздействие электронных СМИ на человека. Специалисты приходят к выводу, что Интернет способствует повышению гражданской вовлеченности и стимулирует политическое участие за счет высокой скорости и простоты поиска интересующей информации и простора для дискуссий на актуальные социальные и политические темы [Dhavan et al. 2007: 676—703].

Все печатные издания сейчас дублируются интернет-версиями. Хотя в основном в последних сохраняется стиль печатного оригинала — привычная рубрикация, логотип, — нетрудно обнаружить некоторые инновации. Интернет предоставляет ряд преимуществ: доступность в любой точке земного шара, соответствие индивидуальным запросам читателя (легкость печати, скорость доступа к интересующим рубрикам, статьям и т. д.). Инновационные коммуникативные возможности выводят отношения в связке «автор — читатель» на качественно новый уровень. Если традиционные печатные издания предполагают одностороннюю, отдаленную во времени и пространстве связь с потребителем текста, то интернет-газеты позволяют осуществлять обратную связь посредством электронной почты. Это дает шанс автору статьи отзыв на нее или разместить на странице собственный комментарий в ответ на авторский. Таким образом создаются условия для активной интеракции между автором и читателем, что, несомненно, способствует осуществлению манипулятивных интенций адресанта сообщения [Рудая 2010: 9].

Представляется, что интернет-коммуникация, в особенности комментарии к статьям СМИ и сообщениям/интервью политических деятелей и партий, а также блоги, форумы и чаты с политической тематикой, содержит значительное количество материала для когнитивного анализа неинституционального политического дискурса. Повседневные диалоги в блогах проясняют позиции разных участников интернет-коммуникации, содействуют развитию рефлексии, формируют убеждения, а при надлежащей организации дискуссий помогают коллективной постановке проблем и поиску их решения [Анненков 2006: 33—37].

Рассмотрим конкретный пример когнитивного исследования концептуально-маркированных явлений в неинституциональном политическом дискурсе. Анализировать последний мы начали в 2008 г. на материале дискурса, который сложился на сайтах СМИ

Великобритании как реакция на российско-грузинский конфликт [См.: Красильникова 2008, 2009, 2010]. Нас заинтересовало, как мировое сообщество воспринимает Грузию и ее президента, Россию и ее президента, как представляет себе сложившуюся ситуацию в оппозициях «тиран — жертва», «свои — чужие», «друзья — враги», «плохие — хорошие» и т. д. Мы выявили метафорические модели, наиболее распространенные в высказываниях людей, комментирующих статьи электронных СМИ о названном военном конфликте. Концептуальные метафоры, отобранные методом сплошной выборки, позволили смоделировать сознание адресата и составить представление о его картине мира, отношении к проблеме и сторонам конфликта.

В условиях информационной войны концептуальные метафоры не только отражают мнение каждого человека, но и формируют общественное мнение. Если люди оставляют комментарии после статьи, значит, их задевает тема или ее видение автором. При этом читатели готовы выражать и отстаивать свое мнение, они свободны в выражениях и могут анонимно написать всё, что думают. Самые активные «комментаторы» оспаривают не только точку зрения автора статьи, но и мнение авторов других комментариев, что иногда приводит к развитию аргументированных и пространственных споров.

Мы проанализировали 470 концептуальных метафор. Интересно отметить, что первое место по количеству метафорических характеристик занимают президент Грузии и российское государство, второе — Грузия и ее граждане и бывший в то время председателем правительства России В. В. Путин, третье — США и Дж. Буш. Реже всего упоминаются НАТО и Осетия.

Мы уже подробно анализировали метафорические образы Грузии и ее президента М. Саакашвили [Красильникова 2008, 2009]. Остановимся на метафорическом представлении России в неинституциональном политический дискурс на сайтах СМИ Великобритании. Наиболее частотной и развернутой метафорической моделью здесь является модель **РОССИЯ — ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ** (23 %). К ней мы относим все метафоры, персонифицирующие страну, характеризующие ее как человеческий организм с определенными физиологическими и эмоциональными особенностями. **Персонификация** — популярный прием метафорической экспансии Ср.: *To understand the Russians, one must think simple as with a child — accept their actions as reactive and language blunt* (Andrew Eberle, Whangarei NZ; примеры

здесь и далее цитируются без изменений и исправлений); *Russia is not an enemy just because it does not bow to Western dictates* (Arik Silverman); *Russia is just getting mad because they want Georgia to be under their shadows forever* (Nino, Washington D. C.); *They are getting nastier and hungrier by the day* (Tatyana, London).

Россия воспринимается как **эмоциональный** ребенок со своими спонтанными и необъяснимыми реакциями и действиями. Основными характеристиками России становятся *гордость, непреклонность, желание доминировать*. Если этого не удастся добиться, страна *злится*, становится всё *голоднее* и *своенравнее*. Концептуальный вектор таких персонифицирующих метафор формирует у адресата ощущение дискомфорта, давления, отрицания, определенного страха и рискованности отношений с таким своенравным партнером.

Когда человеком движут эмоции, а не разум, то вместо ведения переговоров и выяснения спорных моментов он прибегает к использованию силы. Характерными для рассматриваемого дискурса лексическими единицами, через которые актуализируются физиологические метафоры, являются **мышцы** и **кулаки** — символы сильной централизованной власти: *And if there was little fighting elsewhere it was because the Soviets ruled with an iron fist. Capitalism has its flaws, but the Soviet dictatorship was as bad as the Nazis* (Mark, New York, USA); *Russia is flexing its muscles and waving a rusty hatchet at the rest of the world* (ANARKEECHILD); *There is no "peacekeeping" happening here — it is simply a nasty expansionist power flexing its muscles* (Peter Jack).

Также показательно употребление лексемы **руки** в значении активности, жадности и власти: *If Serbia had invaded Kosovo, there would have been hell to pay; yet Georgia gets to invade South Ossetia, kill Russian peacekeepers and expect Russia to sit on its hands and mouth platitudes* (John); **WE MUST NOT LET THE RUSSIANS TOUCH THOSE TERRITORIES AGAIN WITH THEIR DIRTY HANDS!!** (Luigi, Italy).

В рассматриваемой метафорической модели очень яркий концептуальный заряд имеет фрейм «Болезни». Россия видится мировой общественности *больным организмом*, страдающим от *паранойи, параноидального алкоголизма, расплодившейся преступности и ущемленной гордости*: *Add to that paranoid drunkenness and inbred criminality. No wonder Georgians want nothing to do with Russia* (Frank); *What absolute drivel. Georgia invades Ossetia, Russia responds, and*

it's all about Russia's paranoia, and Georgia wanting to join NATO (Mike); *Russia suffers from injured pride and wishes to make an example of someone, anyone, to show it's still a force to be reckoned with* (Golodh).

К сожалению, приходится констатировать, что представление мировой общественности о России носит негативный характер и в некотором смысле бьет по больным местам. Думается, что такие места есть не только у русских: никто, например, не обвиняет немцев за чрезмерное употребление пива, никто не упрекает французов за то, что они выпивают за каждым приемом пищи, и даже обвинений в сторону англичан, устремляющихся в пабы с утра, не слышно. К русским же ярлык пьянства и безнравственности приклеился намертво, что во многом объясняется стереотипами, в том числе сложившимися в эпоху президентства Б. Н. Ельцина, ср.: *We won't let u bully Kosovo and Serbia' by boozing and schmoozing Boris Eltsin at that time* (ANARKEECHILD); *here we go again same old russian paranoia its time they moved into the 21st century along with the rest of us. the country is morally bankrupt populated by deluded alcoholics* (John Bull).

Также популярна в рассматриваемом дискурсе метафорическая модель **РОССИЯ — МИР ЖИВОТНЫХ** (22 %). Как справедливо отмечает И. Буданова, исследующая переговорную практику ЕС и России, российская сторона, используя силовые методы решения конфликта, спровоцировала возрождение «медвежьей темы» в медиадискурсе Европейского союза. Западные СМИ подхватили и развили тезис о возрождении Медведя [Буданова].

Исследователи «медвежьей метафоры» Олег Рябов и Анджей де Лазари утверждают, что образ медведя для характеристики России используется в культурах Запада начиная с XVII в. [Рябов, Лазари 2008]. Его популярность ослабевала после окончания «холодной войны», но в последнее время он снова прочно обосновался в западном сознании под влиянием, во-первых, символики партии «Единая Россия», во-вторых, фамилии президента России в 2008—2012 гг., в-третьих, поддерживаемого СМИ прагматически выверенного образа-символа России, поскольку за метафорической моделью **РОССИЯ — МЕДВЕДЬ** скрываются концепты *мощь, сила, величие*. В то же время, согласно русским поверьям и библейским текстам, медведь олицетворяет сатану.

В связи с этим не случайно, что медвежья метафора получила широкое распространение в неинституциональном политическом интердискурсе. В силу своей много-

гранности и универсальности, обусловленной мифологическими, культурологическими и национально-специфическими особенностями, медвежья метафора обладает контекстуальной гибкостью и носит то оправдательный, то обвинительный характер. В нашем исследовании количество медвежьих метафор с положительной и отрицательной коннотациями оказалось практически равным.

В первом случае медведь предстает перед читателем как *образец* (досл. 'остров') *здравомыслия*, его *будят*, *дразнят*, а надо бы *оставить в покое*, еще лучше — *подружиться* с ним: *The Russian bear is the remaining island of sanity in this mad Western rush for Empire* (ThomasT); *We should leave the bear well alone* (Rob); *The EU and USA woke the bear when they gave Kosovo independence* (Mark); *How can we take on the Russian Bear? — Why to take on it? Why not to befriend it?* (Alar).

Концептуальный вектор таких метафор отражает восприятие России как серьезной и разумной силы, которую не нужно раздражать, которой не следует противостоять, с которой можно сотрудничать.

Во втором случае Россия изображается *злым медведем*, который грубо вторгся на территорию Южной Осетии, которого *понапрасну разбудили* и этим *разозлили*, так что теперь он *грозно рычит* и может *разорвать обидчиков*: *Mr Saakashvili sent his troops into the capital in order to save the peacekeepers and citizens from themselves, but unfortunately this, let's say, "humanitarian" action was (far too) quickly repelled by the brutal intervention of evil Russians Bear* (Borisav); *What the Georgians have done is woken a sleeping BEAR...and now it is growling and letting the world know exactly how annoyed it is with all* (Russian Supporter); *Seems to me that Georgia's parliament took a gamble and their bluff was called. Don't mess around with Bear's they tend to rip your head off* (Cromwell).

В приведенных примерах медвежья метафора несет в себе сильный устрашающий и отпугивающий прагматический потенциал. Перед страшным разгневанным медведем президент Грузии М. Саакашвили предстает абсолютно *беспомощным*, при этом западные страны не намерены решать данный конфликт за него, так как понимают, что это чревато серьезными последствиями. Они скорее станут *подлизываться* к русскому медведю и останутся при своих интересах. Сама идея того, что Грузия может принять вызов русского медведя, представляется *подетски* наивной, ср.: *President Mikheil Saakashvili of Georgia... is helpless before the Russia Bear....* (George Mitrovich); *we*

shouldn't take on the "Russian Bear" especially not for a genocidal Georgian government who now wants us to fight their battles for them!! (Diana); *Simple take on the bear and it turn off the gas tap* (Anil); *And how childish too — we all know only too well that whoever dreamt up this title will not have guts to take on Russian Bear even in wildest of delusions* (Igor Emelianov).

Большой интерес для когнитивных лингвокультурологических исследований представляют случаи использования медвежьей метафоры в окружении других *звериных* метафор, в которых концептуализируются другие страны. *Грузия* ассоциируется с *обезьяной* — животным, которое вертится во все стороны, суетится, но от которой нельзя ожидать серьезных продуманных действий и решений. *Лидер Грузии* метафоризируется через образ *хитрой лисы*, хищной и двуличной, но при этом умной и красивой. Любопытен и оригинален образ *Америки*, которая предстает перед нами в виде *свиньи*, что в данном контексте выглядит оскорбительным. *Британцы* предстали в рассматриваемом дискурсе в образе *осла* — символа упрямства и глупости, а жители *Поднебесной* традиционно изображаются посредством стереотипного и национально-специфичного образа *дракона*: *By entitling this discussion "How can we take on Russian Bear" someone anonymous has taken sides: in this clear-cut situation where a bunch of scoundrels has been caught red-handed they want to take not on Georgian Monkey, American Pig or British Donkey who really deserve a kick in the rear end, they want to take on Russian Bear. How schizophrenic is that?* (Igor Emelianov); *Better leave the bear alone and get busy with that cunning fox* (Saakashvili); *I have an impression every word of his is a lie* (Lexo); *If, for reasons of realpolitik, we can hold our noses and maintain cordial relations with the Chinese Dragon, there seems little sense in antagonising the Russian Bear* (Peter Lion).

Характерно, что в окружении примеров других животных метафор, относящихся к различным народам, образ медведя приобретает положительную коннотацию: он выгодно смотрится на фоне лживости, глупости и неадекватности других национально-специфичных образов.

Следует отметить, что анималистическая метафора, концептуализирующая Россию, не сводится к медвежьей. Гораздо реже встречаются также *иные* метафоры, концептуальный вектор которых обнаруживает агрессивность. Например, действия России могут ассоциироваться с *собачьим лаем*, отпугивающим мировые супердержавы: *The*

Russians are animals. (Enver) What's the use being the world only super power who hides when Russia barks. (Rikki)

Не менее интересна в исследуемом дикурсе *рыбная* метафорика, в частности ссылка на английскую поговорку «The great fish eat up the small» (большая рыба поедает маленькую), типичную для концептуальной проекции оппозиции «победитель — проигравший». Руководство страны концептуализируется как *озёрная жизнь*, характеризующаяся своим миром, правилами и связями: *Tribalism is the bane of civilization, but the whales dominate the small fish* (Talisa, San Francisco, USA); *Nothing new under the sun and all that rot. Big fish eats the little fish. Now these same Jerks led by those same ex-KGB mob (endorsed by our own pond life) are trying to take over Georgia* (Robin).

Менее распространена, но не менее эффективна в анализируемом дикурсе метафорическая модель **РОССИЯ — ИМПЕРИЯ ЗЛА / СССР** (12 %). Метафора, основанная на фактах мировой истории, является сильным и действенным аргументом в споре людей, оставляющих свои комментарии на сайте, поскольку затрагивает национальные интересы представителей многих стран, которые из лучших побуждений ввязываются в полемику, спровоцированную тем или иным мнением, относящимся к историческим событиям. Ср.: *The Evil Empire marches on from Afghanistan Iraq and Kosovo to new fields of blood for its Dracula appetite for conflict* (Walter); *Georgia is a tiny country with much longer history than US or Russia trying to survive among huge Evil Empires* (LetUsLive).

Наблюдения и комментарии о схожести конфликтов современности и времен холодной войны иногда не заканчиваются обычной компаративной констатацией, а выливаются в яростный призыв к борьбе против злой империи: *Russia is the Evil Empire!!! NATO must help Georgia and STOP this RED ARMY!!!* (Tom); *NATO, EU, USA must help to Georgia... Russia is evil empire it must stopped!* (Alexander).

Следующая по частотности в рассматриваемом дискурсе метафорическая модель, актуализирующая представление о России, — **РОССИЯ — КРИМИНАЛЬНЫЙ МИР** (11 %). К рассматриваемой модели относятся и простые аллегории с общим криминальным подтекстом, и метафоры с заполняемыми фреймами «Места заключения», «Преступники», «Преступления» и пр. Ср.: *Lenin described the Russian Empire as a "prison of nations", after the Russian and then the Bolshevik Revolutions followed by the*

civil war, many of the imprisoned nations declared their independence... (Dr Andris Lielmanis); ...systematically the Soviets attempted to reintroduce the independent nations to their cells by violent means defeated in the Baltic states, Lenin nevertheless managed to recapture the rest of the escapees (Dr Andris Lielmanis).

Все концептуальные метафоры данной модели дают России выраженную отрицательную оценку, своим прагматическим эффектом отстраняя собеседника от обсуждаемого объекта и обособляя РОССИЮ в категории «ЧУЖИХ», опасных, нечестных, бесчеловечных. Данная метафорическая цепь обладает большим экспансионистским потенциалом. Россия часто представляется в роли обидчика, поэтому в неинституциональном политическом дикурсе на сайтах СМИ Великобритании для описания ее действий часто используется лексема **bully** и схожие с ней лексические единицы, ср.: *Russia is trying to bully its smaller neighbours into not aligning themselves with the West and NATO....* (James, London); *Mr Lucas sees Russia as a menacing bully led by ruthless rulers* (Philippe, Brussels, Belgium).

Как и в рамках модели **РОССИЯ — ИМПЕРИЯ ЗЛА**, здесь не только Россия концептуализируется как обидчик, но и часто звучат призывы к действию, противостоянию или клятвы защищать: *Russia should be a little more conscience of other countries and stop being a bully in that area* (Javier Guinand); *There are two sides to any war — but the Russians are brutally escalating the crisis. Kick them out of the G8 — they do not deserve the political respect accorded by such membership* (Martin Pople).

Следующая метафорическая модель, а именно **РОССИЯ — СИЛЬНЫЙ ЗАЩИТНИК** (10 %), достаточно традиционна и ожидаема, поскольку у каждой страны есть не только противники, но и сторонники. Одни осуждают Россию за своевольное и нецивилизованное поведение, другие защищают ее позицию, которую считают оправданной. Примеры тому уже приводились в данной статье, расширим их круг: *They know Russia is in the right and that their future lies with Russia* (Dan); *Russia is not the evil empire — that tag belongs to another meddling warmongering nation* (R McAuley); *The Abkhaz would face the same fate as well were it not for actual Russian stewardship in this case as well* (OneWithEyes StillOpen).

Сторонники России не только оправдывают ее действия, но и метафорически концептуализируют ее как *сильную мощную страну*, которая никому не позволяет лезть

в свои дела, делает серьезные предупреждения, дает отпор, такую страну, чей тяжелый и уверенный взгляд не у всех хватит смелости выдержать: *Admit it, Russia is superpower in makeing and it shows that nobody can mess w/ it, including US backed Georgi* (Vlad, los angeles, USA); *A powerful message has been sent by Russia to the west as it enhances its role* (John Collns); *The western leaders are gathered in the centre of authoritarianism in Beijing in the company of Prime Minister Putin. Do they have the nerve to stare Russia down?* (Victor Perton, Melbourne, Australia).

Такие метафоры оказывают двойственное прагматическое воздействие: с одной стороны, интегрируют сторонников, создавая образ страны, привлекательный своей силой и влиянием, с другой — дистанцируют противников, удерживают их на безопасном расстоянии. Концептуальный вектор метафорической модели РОССИЯ — СИЛЬНЫЙ ЗАЩИТНИК носит позитивный характер.

Следующая по популярности в анализируемом дискурсе метафорическая модель — **РОССИЯ — ЛОЖЬ / ПРОПАГАНДИСТСКИЙ АППАРАТ**. Данная модель, несмотря на оригинальность и даже неожиданность, относится к достаточно распространенным (8%). Приведем примеры: *It was interesting and funny at the same time to hear a hypocrite Lavrov accusing Georgia of genocide and ethnic cleansing* (ANARKEECHILD); *Bush should be more like kennedy to do with Cuba and make a stand against Russia and stop them posterig* (Rikki); *Never trust the Russians, an old european saying still true!* (Gil, Los Angeles, United States).

Россия, по мнению высказывающихся, играет роль жертвы, лицемерит, позирует, ей нельзя доверять. В данной метафорической модели актуализируется номинация **пропагандистский аппарат**. Если учесть игру слов, в этом сочетании можно увидеть механистическую метафору, которая исключает человеческий фактор из перспективы отношений с Россией: *запущена машина, производящая пропаганду, ей дали волю, ее хорошо смазали и настроили, и она официально начала работать*. Складывается впечатление, что государство роботизировано и настроено на создание качественного типографского пиара, о развитии страны и жизни в ней умалчивается, либо эти вопросы даже не рассматриваются: *Russia is very good at twisting the facts to suit its own preferred interpretation (it is never at fault and never the aggressor) and with no free press in the country the propaganda machine is given free rein* (Richenda); *Yes, the Russian propa-*

ganda machine is well oiled and out in force (Michael Anthony).

Следует отметить, что яркая метафора, обладающая сильным прагматическим воздействием, сказанная одним человеком, быстро подхватывается другими и перестает быть оригинальной и авторской. Однако для решения задач данного исследования мы учитывали мнения всех собеседников, даже если они в чем-то перекликались и оказывались схожими.

Следующая группа метафор тоже, как и метафорическая модель РОССИЯ — ИМПЕРИЯ ЗЛА, основана на исторических фактах, но является культурно-специфичной и имеет другие ассоциативные связи, поэтому мы рассматриваем ее отдельно. Эту метафорическую модель можно условно обозначить как **РОССИЯ — ГЕРМАНИЯ 40-х гг.** Соответствующие примеры составили 7% общего числа концептуальных метафор, актуализирующих образ России в анализируемом дискурсе, ср.: *The West must support Georgia against the Russian fascists* (Paolo Caldato); *Capitalism has its flaws, but the Soviet dictatorship was as bad as the Nazis* (Mark, New York, USA).

Русские концептуализируются как агрессивные фашисты, безжалостно истребляющие тех, кто слабее них, и желающие подчинить себе мир, советский диктаторский режим сравнивается с нацистским. Однако самой распространенной метафорой в данной модели является прецедентный антропоним **Гитлер**, не нуждающийся в особых комментариях: *Didn't Hilter use an excuse like this to invade Czechoslovakia?* (Shaun); *Gitler, Stalin, Putin Is children from one mother! The Chechen republic is already unable to resist there almost anybody is not present! Now Georgia! Who s next?* (ser from UKRAINE).

Сравнение России с гитлеровской Германией достаточно распространено в рассматриваемом дискурсе: сопоставляются действия двух государств, их население, лидеры. Гитлер, Сталин и Путин объединяются метафорой родства с актуализацией смыслов жесткой диктатуры и неоправданной военной агрессии.

Последняя метафорическая модель — **РОССИЯ — УЧАСТНИК ИГРЫ** (7% примеров). Она так же распространена, как и предыдущая, и не менее актуальна и сильна по прагматическому воздействию с точки зрения формирования образа страны. У России имеется свой план игры в отношении европейских государств, она ведет игру с позиции силы, а В. В. Путин развлекается игрой в шпионов: *I am certain that the various Governments in Europe are aware of Russia game*

plan... (Anthony); *Russia is clearly involved in a power game (with Russian "Peacekeepers" in Ossetia) and does not like anyone it does chose in its backyard, but then nor does America (Cuba/Venezuela) or China (Tibet/Burma)* (Mark); *When NATO comes to this sliver of land — Putin will content himself playing spy games* (Andrew Eberle, Whangarei NZ).

Кроме лексемы *игра*, часто используются метафорические единицы со сферой-источником «Азартные игры». В данном контексте Россия прибегает к *трюкам КГБ*, Грузия *играет в азартную игру*, и ее *блеф* раскрывается, Россия использует автономные регионы Грузии как *карты* в игре. Ср.: *Russia uses the Georgian break away regions as cards to prevent Georgia joining NATO and forever escaping Russian influence* (Ilan, Tel-Aviv, Israel); *There's no doubt in my mind and a lot of people here in UK, that this is nothing but another KGB trick* (ANARKEECHILD).

Таким образом, Россия в неинституциональном политическом дискурсе, сложившемся на страницах сайтов СМИ Великобритании, посвященных российско-грузинскому конфликту, чаще представляется в роли агрессора, безжалостного обидчика, который сосредоточил в своих руках большую власть, обусловленную масштабами, ресурсами, политическими и криминальными связями. Россия — это эмоциональный, непредсказуемый и непонятный человек, страдающий паранойей, пьянством и алчностью. Традиционным стал образ медведя, концептуализирующий Россию как мощное животное, которое разбудили и которое теперь злится, рычит и готово напасть. В то же время представители мирового сообщества всё больше удивляются, зачем злить сильного русского медведя, если можно с ним просто подружиться.

Оригинальны в данном дискурсе исторические концептуальные метафоры, опирающиеся на прецедентные имена и события. Россия видится сквозь призму времен холодной войны или ассоциируется с фашистской Германией.

По-прежнему частотна в представлении России криминальная метафора. Страна воспринимается как «тюрьма наций», из которой пытаются бежать, но беглецов непременно силой возвращают в камеры. Кроме того, жители разных стран по-прежнему обвиняют Россию в коррупции, лжи, пропаганде, политических аферах, ведении нечестной игры.

Положительный образ России создается посредством актуализации метафорической модели РОССИЯ — СИЛЬНЫЙ ЗАЩИТНИК. Она объединяет вокруг себя сторонников

России, оправдывающих ее действия, и дистанцирует противников.

Приходится констатировать преобладание в образе России пейоративных концептуальных метафор — страну либо упрекают за советское прошлое, либо обвиняют в раздувании военных конфликтов с целью подчинения территорий, либо боятся ей сопротивляться по политическим или экономическим причинам. Мелиоративные метафоры, одобряющие Россию и характеризующие ее в позитивном ключе, пока остаются в меньшинстве. Выводы об исходе информационной войны очевидны и неутешительны.

Метафорическая концептуализация лиц, институтов и стран, особенно в периоды накаленных отношений и эскалации военных конфликтов, позволяет нам узнать точку зрения рядовых потребителей политического дискурса, а участникам неинституционального политического дискурса — высказать свое мнение в поддержку той или иной враждующей стороны, открыть другим правду, известную немногим, повлиять на мнение других людей. Это, конечно, не более чем субъективная оценка реальности, но не на таких ли оценках держится мир? Кроме того, исследуя неинституциональный политический дискурс с позиций когнитивного анализа, мы сможем составить представление о том, что думает общество о странах-соперниках или странах-союзниках, верит ли политическим партиям, насколько эффективны оказываются те или иные политические послания, речевые стратегии и тактики политических деятелей. Таким образом, когнитивное исследование неинституционального политического дискурса позволяет проследить ощущения и настроения общества в рамках межнациональных, социальных и политических отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненков В. В. Блоги как среда для непрерывного образования взрослых: опыт сообщества СТОИК // Образовательная среда сегодня и завтра: материалы 3 Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 27.09 — 30.09.2006) / ред. В. И. Солдаткин. — М. : Рособразование, 2006. С. 33—37.
2. Буданова И. Переговорная практика ЕС и России в контексте «медвежьего» дискурса. URL: <http://cens.ivanovo.ac.ru/abstracts/budanova-2008.htm>.
3. Карасик В. И. О категориях дискурса / ВПГУ. 2006. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html>.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002.
5. Карасик В. И. Языковые ключи. — М. : Гнозис, 2009.
6. Кошарная Г. Б. Социология общественного мнения // Методические указания. — Пенза : ПГУ, 2002.
7. Красьникова Н. А. Жертва или злодей? Ме-

тафорический образ Грузии в дискурсе общественности на сайтах СМИ Великобритании // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30).

8. *Красильникова Н. А.* Российско-грузинская война в дискурсе общественности на интернет-сайтах Великобритании // Политическая лингвистика. № 3 (26).

9. *Красильникова Н. А.* Советский Союз, фашистская Германия или Россия XXI века? (образ России в дискурсе общественности на сайтах СМИ Великобритании) // Политическая лингвистика 2010. № 33 (3).

10. *Лингвистический* энциклопедический словарь. — М., 1990.

11. *Мильтон Дж.* Ареопагитика // История печати: Антология. — М., 2001. URL: <http://evartist.narod.ru/text2/28.htm>.

12. *Рудая Е. А.* Функциональная семантика английских имен прилагательных в тексте англоязычного политического комментария (на материале современной американской прессы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2010.

13. *Рябов О., Лазари А.* Миша и Медведь. Медвежья метафора России в дискурсе о грузино-российском конфликте. URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2008/09/m158721.htm>.

14. *Dhavan V. S., Jaeho C., Seungahn N., Melissa R.*

G., Hyunseo H., Lee N.-J., Scholl R. M., Mcleod D. M. Campaign Ads, Online Messaging, and Participation: Extending the Communication Mediation Model // Journal of Communication. 2007. Vol. 57, Iss. 4 (Dec.). P. 676—703.

15. *Donath J. S.* Identity and deception in the Virtual community. 1997. URL: <http://smg.media.mit.edu/people/judith/Identity/IdentityDeception.html>.

16. *Johnson N. A.* Anger and flaming in computer-mediated negotiations among strangers // Decision Support Systems. 2009. № 46. P. 660—672.

ИСТОЧНИКИ

17. *Firth E.* Georgia “pulls troops out of South Ossetia” as Russian fighting intensifies. 2008/08/10. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/>.

18. *Halpin T.* Georgian forces attack Russian-backed separatists. 2008.08.08. URL: <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/erope/article4491342.ece>.

19. *Lucas E.* How Georgia fell into its enemies' trap. 2008.08.09. URL: http://www.timesonline.co.uk/tol/comment/columnists/guest_contributors/article4488503.ece.

20. *Parsons R.* Georgia pays price for its Nato ambitions. 2008.08.09. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news>.

21. *Penketh A.* Diplomatic Licence: Saving Saakashvili. 2008.08.12. URL: <http://blogs.independent.co.uk/independent/2008/08/saving-saakashv.html>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева